

Конечно, когда мы раздали маленькие сувениры всем своим женщинам-сотрудницам, начальство сначала повозмущалось (как это, без их ведома!), а потом попросили сделать и для своих жён.

– Вячеслав Георгиевич! «Луноход-1» и «Луноход-2», водителем которых вы были, выполнили свою задачу и стали сегодня памятниками освоения космоса. А как вы оцениваете сегодняшнее положение отрасли?

– Я очень рад, что сейчас руководство страны обращает внимание на космическую отрасль, а молодёжь вновь проявляет интерес к астрономии, робототехнике, исследованиям Вселенной. Наверное, поняли, что ещё немного — и мы упустим время, отстанем навсегда... К сожалению, упущено много времени. Есть провал в образовании, подготовке специалистов. А ведь тут у нас был несомненный приоритет: наш космонавт мог устранить на корабле любую неполадку, а вот те же американские астронавты — не могли.

Российская лунная программа была прервана 40 лет назад. Первым шагом к её возрождению должен стать запуск аппарата «Луна-25» в 2016 году, установка ретранслятора на лунной орбите и доставка образцов грунта на Землю силами аппаратов «Луна-26» и «Луна-27» до 2018 года. Китайцы, доставившие в конце 2013 года на Луну «Нефритового зайца», обещают посадить на спутник пилотируемый корабль уже в 2017 году, а в течение 25-30 лет может быть построена полноценная база. В США лунная программа не менее амбициозна. Руководитель управления пилотируемых программ NASA Грег Вильямс считает, что полёты на Луну крайне важны в качестве тренировочного этапа перед экспе-

дицией на Марс. Кроме того, Луна привлекательна в качестве полигона для научных исследований и как источник полезных ископаемых — железа, алюминия, титана и изотопа гелий-3, который может стать топливом для термоядерных реакторов. Пока Россия, США и Китай не пришли к жёсткой конкуренции за привлекательные участки на Луне, и, по мнению Роскосмоса, приоритеты следует определять уже сейчас.

– Вячеслав Георгиевич! Позвольте в конце беседы вернуться с «небес» на Землю. Вы — член Курского землячества и вообще относитесь к Курску как к малой родине. Между тем, насколько я знаю из вашей биографии, родились вы в Белгороде, который, правда, тогда входил в состав Курской области, школу окончили в Симферополе...

– В предвоенные годы рос я и в Белгороде, и в Курске, а потом в Идрице. Это посёлок в Псковской области вблизи нашей западной границы, где дислоцировался военный городок. Там и застала нас война.

В конце июля или в начале августа семьи военнослужащих стали готовить к эвакуации, как правило, в места проживания ближайших родственников. Так мама и я оказались снова в Курске. Поселились в пригороде, посёлке железнодорожников, Мурыновке, где жила семья маминой сестры Клавды. Мама работала на курском вокзале. Но прожили мы вместе недолго, фашистские войска подошли уже к Орлу. В середине октября маму и меня эвакуировали за Волгу.

После победоносной Курской битвы мы вернулись в освобождённый Курск, к тётке Клавде. Её муж, дядя Костя, погиб при форсировании Днепра. Но она молилась Богу, ждала его возвращения, хотя и получила «похоронку».

В сорок четвёртом году 1-го сентября я пришёл в первый класс сорок седьмой начальной школы. Моя первая учительница Евгения Артёмовна Гусева запомнилась доброй и заботливой женщиной. Один букварь был на несколько человек, не было мела, не хватало чернил, ручек, перьев... Вместо портфеля — кожаная сумка военного образца (мне её подарили лётчики). Она была предметом моей гордости! Они же снабжали нас и тетрадями, и цветными карандашами. Я делился ими с одноклассниками, а красные карандаши отдавал учительнице. Не забыть и большие перемены между уроками, когда нас подкармливали кусочком чёрного хлеба, посыпанного сахаром, и чаем с шиповником.

Но всё это было до Великой Победы — самого счастливого дня для всех нас, для всей нашей страны.

Я помню, как мама прибежала домой часов в шесть утра и принесла эту радостную весть (радио на Мурыновке тогда не было). Мама бегала по посёлку, стучала в окна и, плача, кричала: «Победа-а-а!» Помню, как плакали женщины. Запомнился именно плач. Ликования не помню. Вечером взрослые собрались. Сидели и пели... Плакали и пели... Я понимал одно: раз войне конец, значит, папа вернётся домой. И это было радостью! Папа вернулся с фронта к нам в Курск осенью сорок пятого.

Военное детство, прошедшее в Курске, наложило отпечаток на всю мою жизнь. Может быть, всё, что я делал позже сознательно или подсознательно, было подчинено одной цели: чтобы больше не было в нашей стране детей войны.

Беседовала
Людмила ТРЕТЬЯКОВА
г. Москва

